

**РАССЛЕДОВАНИЯ ГИДЕОНА ФЕЛЛА
В СЕРИИ «ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА»**

Ведьино Логово
Тайна Безумного Шляпника
Восемь мечей
Слепой цирюльник
Часы смерти
Три гроба

Джон Диксон
Карр

ТРИ ГРОБА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE HOLLOW MAN

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1934
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Ольги Обвинцевой
Серийное оформление и оформление обложки
Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-29551-3

© О. М. Обвинцева, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

**ПЕРВЫЙ ГРОБ
ЗАГАДКА
КАБИНЕТА УЧЕНОГО**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Угроза

Убийству профессора Гримо, как и последовавшему за ним столь же неслыханному преступлению на Калиостро-стрит, можно подобрать множество фантастических эпитетов — и не без причины. Даже давние друзья доктора Фелла, увлекающиеся разного рода невероятными ситуациями, не найдут в его послужном списке загадки более удивительной или ужасающей. Итак: совершено два преступления, причем в такой манере, что создается впечатление, будто убийца был не просто невидимым, но еще и легче воздуха. Согласно свидетельствам очевидцев, после убийства своей первой жертвы он просто исчез. И опять же, согласно свидетельствам, он убил свою вторую жертву прямо посреди пустынной улицы на глазах у пешеходов, находившихся по обе стороны; при этом его не видела ни одна живая душа и на снегу не осталось ни одного следа.

Разумеется, суперинтендант Хэдли и на секунду не согласился бы поверить в гоблинов или колдовство. Весьма разумно с его стороны — если только вы не верите в магию, которая в нужный момент

истории будет объяснена самым естественным образом. Однако несколько человек уже начали задаваться вопросом: не могла ли та фигура, которая постоянно мелькала в деле, и вправду оказаться пустой оболочкой? Им пришла в голову мысль: а вот если убрать кепи, черное пальто и детскую маску, не обнаружится ли под ними пустота, как в знаменитом романе Герберта Уэллса? В любом случае эта фигура итак наводила суеверный ужас.

Выше был употреблен оборот «согласно свидетельствам». Следует с большой осторожностью относиться к свидетельствам, полученным не из первых рук. В данном случае, во избежание лишней путаницы, следует сразу уведомить читателя о том, чьим показаниям он может полностью доверять. Иными словами, необходимо сделать допущение, что кто-то говорит правду, — иначе не получится настоящей тайны, да и, собственно, вовсе никакой истории.

Следовательно, нам стоит подчеркнуть, что в каждом случае мистер Стюарт Миллс, домочадец профессора Гримо, не лгал, не упускал ничего из виду и не добавлял лишнего, а рассказывал именно то, что он действительно видел. Помимо этого, не лишним будет упомянуть, что все три независимых свидетеля с Калиостро-стрит (господа Шорт и Блэквин, а также полицейский констебль Уиверс) тоже говорили чистую правду.

С учетом сказанного, одно из событий, приведших к преступлению, следует обрисовать более подробно, чем это возможно в ретроспективе. Оно стало лейтмотивом, поворотным моментом, первой

упавшей костью домино. И в записях доктора Фелла это событие пересказано во всех подробностях именно так, как Стюарт Миллс поведал эту историю доктору Феллу и суперинтенданту Хэдли. Событие это случилось 6 февраля, в ночь на среду — за три дня до убийства, — в небольшом дальнем зале таверны «Уорвик» на Мьюзеум-стрит.

Доктор Шарль Берне Гримо жил в Англии почти уже тридцать лет и говорил без акцента. За исключением нескольких характерных жестов в моменты нервного возбуждения, а также привычки носить черный галстук-ленточку и старомодный котелок с квадратной тульей, он походил на британца даже больше, чем его местные друзья. Никто не знал, как прошла его молодость. Он был человеком обеспеченным, но решил работать, благодаря чему приумножил свое состояние. Профессор Гримо долгое время был учителем, известным лектором и писателем. Однако в последнее время он оставил эти занятия, перейдя на некую неоплачиваемую должность в Британском музее, благодаря которой получил доступ к манускриптам о «низшей магии» (так он сам их называл). Низшая магия стала для него хобби, из которого он извлек немалую прибыль: он интересовался всеми видами красочной сверхъестественной дьявольщины, от вампиризма до Черной мессы. Изучая их, он всегда кивал и усмехался с детским любопытством — а потом получил пулю в легкое за все свои старания.

Здравый, рассудительный малый, этот Гримо, с насмешливым огоньком в глазах. Говорил он быстро, слова вылетали откуда-то из глубин его

гортани, словно пулеметная очередь; имелся у него и свой фокус — он умел смеяться, не раскрывая рта. Телосложение у него было среднее, но его отличала мощная грудь и удивительная физическая выносливость. Когда Гримо семенил мимо, вежливо приподнимая шляпу или подавая знак своим зонтиком, все встречные в окрестностях музея сразу узнавали его черную бороду, подстриженную так коротко, что она походила на седеющую щетину, черепаховую оправу очков и уверенную походку.

Жил он, надо сказать, поблизости — в добротном старом доме на западе от Рассел-сквер. Помимо Гримо, там обитали: Розетта, его дочь, экономка мадам Дюмон, его личный секретарь Стюарт Миллс и старик, бывший учитель, по имени Дрэйман, которого Гримо приютил у себя, чтобы тот содержал в порядке книги.

Однако со своими настоящими немногочисленными приятелями он обычно встречался в своего рода клубе, который они основали в таверне «Уорвик» на Мьюзеум-стрит. Там они по вечерам, четыре-пять раз в неделю, устраивали тайные собрания в уютном зале, который снимали специально для этой цели. И хотя это помещение официально не было отдельным кабинетом, посторонние редко туда забредали, а если и забредали, то надолго задерживаться им никто не давал. Завсегдатаями клуба были: главный специалист по историям о призраках Петтис, лысый суетливый человечек маленького роста; Мэнган, журналист; Барнаби, художник, и, конечно, их неоспоримый лидер — профессор Гримо.

Он царствовал. Почти каждый вечер (за исключением суббот и воскресений, в которые он предпочитал работать) Гримо отправлялся в «Уорвик» вместе со Стюартом Миллсом. Он брал бокал с грогом, садился в любимое плетеное кресло перед пылающим очагом и начинал философствовать в своей излюбленной манере, подчиняя себе весь разговор. По словам Миллса, дискуссии эти по большей части были совершенно блестящими, хотя почти никто, кроме Петтиса или, может быть, Барнаби, не был в состоянии серьезно тягаться с профессором. Несмотря на всю свою учтивость, Гримо отличался горячим темпераментом. Как правило, компания довольствовалась тем, что жадно внимала его богатым познаниям в ведовстве и искусстве спиритизма — хитростях, дурачивших легковверных; а также наслаждалась его почти детской любовью к мистификациям и драме, в порыве которой он рассказывал легенды о средневековом колдовстве, под конец неожиданно объясняя все загадки на манер детективной истории. То были увлекательные вечера, атмосфера которых слегка напоминала деревенский трактир, хотя происходило все в укромном уголке Блумсбери, залитой светом газовых фонарей. Да, то были увлекательные вечера — пока в ночь на 6 февраля предвестие грядущего ужаса не ворвалось так же внезапно, как ветер, распаивающий настежь дверь.

Как рассказывает Миллс, в ту ночь дул пронзительный ветер и все предвещало, что вот-вот повалит снег. Кроме него и Гримо, у очага сидели только Петтис, Мэнган и Барнаби. Профессор Гримо,

покачивая в такт своим словам зажатой в пальцах сигарой, вещал о вампиризме.

— По правде говоря, меня удивляет ваша позиция, — сказал Петтис. — Сейчас я изучаю только беллетристику, только выдуманные истории о призраках. И все-таки в глубине души я убежден, что они существуют. Однако же вы разбираетесь именно в задокументированных случаях — событиях, которые мы вынуждены называть фактами, если не можем найти им опровержения. И при всем при этом вы не верите ни единому слову из тех книг, которые стали для вас дороже всего. Это как если бы владелец железной дороги сочинил трактат, опровергающий тот факт, что паровые двигатели работают. Или как если бы редактор «Британской энциклопедии» написал предисловие, в котором предупреждал, что ни в одном из ее томов не найти ни одной полностью достоверной статьи.

— Что ж, а почему, собственно, нет? — ответил ему Гримо, сопроводив свои слова коронным смешком, для которого ему почти не требовалось открывать рот. — Мораль прослеживается, не так ли?

— «Большая ученость доводит тебя до сумасшествия»¹ — быть может, такая? — предположил Барнаби.

Гримо продолжал смотреть в огонь. По словам Миллса, создавалось впечатление, что он обиделся на мимолетную насмешку сильнее, чем следовало бы. Он продолжал неподвижно сидеть с сигарой ровно посреди рта, посасывая ее, как ребенок леденец.

¹ Деяния 26: 24.

— Я человек, который знал слишком много, — наконец вымолвил он. — Да и где это сказано, что священники в церкви все поголовно верующие? Однако это все не важно. Меня в первую очередь интересует, на почве чего возникают эти суеверия. Что положило суеверию начало? Что дало ему толчок, а простодушным повод верить? Вот например! Мы сейчас разговариваем о легенде про вампиров. Корни ее уходят в славянские земли. Вы согласны? В тысяча семьсот тридцатые годы она стремительным потоком вырвалась из Венгрии и основательно укоренилась в Европе. Но откуда у венгров доказательства, что мертвецы способны покидать свои гробы и взмывать в воздух в виде соломы или пуха, пока не примут человеческий облик, для того чтобы напасть?

— У них были какие-то доказательства? — спросил Барнаби.

Гримо пожал плечами:

— Они эксгумировали тела на церковных кладбищах. Некоторые трупы были найдены в странных позах, с кровью на лицах, руках, саванах. Вот какие у них были доказательства... Но что в этом странного? В те годы бушевала чума. Подумайте теперь о всех тех бедолагах, которых случайно похоронили заживо. Представьте, как они мучились, пытаясь выбраться из гроба, прежде чем умереть по-настоящему. Теперь вам понятнее, джентльмены? Вот что я имею в виду, когда говорю, что меня интересуют истоки суеверий. Вот что меня по-настоящему волнует.

— И меня это тоже волнует, — раздался чей-то голос.

По словам Миллса, он не услышал, как этот человек вошел, хотя и успел ощутить поток свежего воздуха из открывшейся двери. Возможно, компании всполошило само вторжение незнакомца в помещение, куда посторонние редко заходили, о котором даже никогда не заговаривали. А может, все дело было в голосе этого человека — резком, хриплом, с легким налетом иностранного акцента и лукавого торжества. В любом случае его появление заставило всех одновременно обернуться.

Как утверждает Миллс, в незнакомце не было ничего примечательного. Он стоял так, что свет от горящего камина почти на него не падал, — воротник поношенного черного пальто поднят вверх, а поля выдавшей виды мягкой шляпы опущены вниз. На тот небольшой участок его лица, который не был скрыт одеждой, падала тень от руки в перчатке, которой он поглаживал свой подбородок. Высокий, сухопарый, в потертой одежде — больше про внешность незнакомца Миллс ничего не мог сказать. Однако то ли в его голосе, то ли в манере себя держать, то ли в жестах как будто было что-то смутно знакомое — и в то же время чужое.

Он заговорил снова. Речь его звучала педантично и чопорно, словно он пародировал Гримо.

— Прощу меня простить, джентльмены, за то, что вклинился в вашу беседу, — сказал он, и нотки торжества в его голосе зазвучали только отчетливее. — Но мне хотелось бы задать знаменитому профессору Гримо один вопрос.

Миллс говорит, что никому и в голову не пришло его осадить. Они все насторожились; в этом

человеке ощущалась какая-то льдистая сила, нарушавшая уют освещенной пламенем комнаты. Даже Гримо напрягся — он, будучи мрачным и серьезным, сидел с замершей на полпути ко рту сигарой, напоминая скульптуру авторства Джейкоба Эпстайна, только глаза поблескивали за тонкими линзами. В ответ он лишь буркнул:

— И какой?

— Значит, вы не верите? — продолжил чужак, отводя ладонь от подбородка ровно настолько, чтобы поднять вверх указательный палец. — Не верите, что человек может восстать из гроба, что он может передвигаться повсюду, оставаясь невидимым, что четыре стены не способны его остановить и что он так же опасен, как любое исчадие ада?

— Нет, не верю, — резко ответил Гримо. — А вы?

— А я верю, потому что и сам все это проделал. И более того! У меня есть брат, который способен на гораздо большее, чем я, и для вас он намного опаснее. Мне ваша жизнь не нужна, а вот ему — да. И если он бросит вам вызов...

Кульминация его дикой речи вспыхнула, как дощечка, брошенная в огонь. Молодой Мэнган, бывший футболист, вскочил. Маленький Петтис нервно заозирался по сторонам.

— Послушайте, Гримо, — сказал Петтис, — этот субчик явно не в себе. Может, мне... — Он неловко кивнул в сторону колокольчика, но незнакомец его перебил:

— Послушайте сначала профессора Гримо. Потом уже решайте.

Гримо смерил того тяжелым презрительным взглядом:

— Постойте, постойте. Слышите меня? Оставьте его в покое. Пусть дальше рассказывает про своего брата и гробы...

— Три гроба, — снова вмешался посторонний.

— Да, три гроба, — согласился Гримо с натянутой учтивостью. — Если вам так угодно. Да ради бога, хоть сколько. Но может быть, вы нам сначала скажете, кто вы такой?

Незнакомец вынул левую руку из кармана и положил на стол замусоленную визитку.

Каким-то образом визитная карточка своим прозаическим видом вернула всем способность рассуждать здраво, развеяла иллюзию, разоблачила шутку, превратила хриплоголосого гостя в простого потрепанного актера, страдающего некой манией. А все потому, что Миллс прочитал на карточке следующее: «Пьер Флей, иллюзионист». В одном ее уголке было напечатано: «Калиостро-стрит, 2В, индекс WC1...» — а в другом накорябано: «...или Академический театр». Гримо рассмеялся. Петтис выругался и позвонил в колокольчик, вызывая официанта.

— Так что же, — Гримо щелкнул карточкой о большой палец, — я так и думал, что примерно этим все и кончится. Вы фокусник, не так ли?

— На карточке разве это написано?

— Так-так, если я назвал профессиональный ранг ниже, прошу прощения. — Гримо качнул головой, фыркая, словно развеселившийся астма-

тик. — Я не думаю, что вы соблаговолите показать нам одну из ваших иллюзий?

— Отчего же? С радостью, — неожиданно для всех ответил Флей.

Последующие его движения были так быстры, что застали компанию врасплох. Их можно было принять за нападение, хотя таковым они не являлись — по крайней мере, в физическом плане. Он наклонился над столом прямо к Гримо, опустил воротник пальто и снова поднял, прежде чем кто-то, кроме профессора, успел разглядеть его лицо. Однако Миллсу показалось, что он ухмылялся. Гримо продолжал сидеть в напряженной неподвижной позе. Только челюсть выступила вперед и приподнялась так, что рот стал похож на презрительную дугу, выгнувшуюся посреди подстриженной бороды. Он как ни в чем не бывало продолжал щелкать визиткой о большой палец, но кожа его приобрела сероватый оттенок.

— А теперь, прежде чем я уйду, мне нужно задать еще один вопрос знаменитому профессору, — учтиво сказал Флей. — Скоро, как-нибудь вечером, к вам кое-кто наведается. Брат и меня подвергает опасности, но я готов пойти на этот риск. Кое-кто, я повторяю, к вам наведается, причем довольно скоро. Кого вы предпочтете: меня? Или мне стоит послать брата?

— Посылайте брата, — рыкнул Гримо, внезапно поднимаясь, — и будьте прокляты!

Никто не успел проронить ни слова, как дверь за Флеем уже захлопнулась. Вместе с нею захлопнулась и дверь к любым точным сведениям, кото-

рые могли бы пролить свет на то, какая цепочка событий привела к происшествию, которое имело место в субботнюю ночь 9 февраля. Все оставшиеся сведения представляли собой фрагменты разрозненной мозаики, которые соединить в единую картину было не проще, чем собрать обугленные кусочки писем между двумя стеклами. В описанную нами ночь полый человек, как его стали называть, сделал свои первые шаги, а потом пешеходные дорожки окутала снежная тишина — и три гроба из пророчества наконец были заполнены.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дверь

В тот вечер у камина в библиотеке доктора Фелла в доме № 1 на Адельфи-Террас ключом было хорошее настроение. Доктор, весь разрумяненный, восседал в своем самом большом, удобном и старом кресле, обивка которого просела и потрескалась, — собственно, именно такие кресла и являются самыми удобными, но жен просевшая обивка почему-то всегда беспокоит. Глаза доктора Фелла буквально сияли за стеклами пенсне на черной ленточке, и каждый раз, когда его что-то смешило, он стучал своей тростью по коврику у камина. Он праздновал. Доктору Феллу нравилось праздновать прибытие своих друзей, да честно говоря, не только это. И сегодня у него был двойной повод для веселья.

Во-первых, его молодые друзья Тед и Дороти Рэмпол прибыли из Америки в радостном и оживленном расположении духа. Во-вторых, его друг Хэдли — теперь уже суперинтендант Департамента уголовного розыска Хэдли, как вы помните, — буквально на днях блестяще закрыл дело о подделке документов в Бейсуотере и теперь мог позволить

себе расслабиться. Тед Рэмпол сидел по одну сторону от камина, а Хэдли — по другую, доктор же восседал между ними рядом с дымящейся чашей пунша. Наверху о чем-то совещались дамы; здесь, внизу, месье Фелл и Хэдли успели пуститься в горячий спор — в общем, Тед Рэмпол чувствовал себя как дома.

Он лениво откинулся на спинку мягкого кресла и вспоминал старые времена. Напротив него суперинтендант Хэдли, с аккуратно подровненными усами и волосами цвета потускневшей стали, улыбался и отпускал сатирические комментарии, не прекращая курить трубку. Доктор Фелл громыхал черпаком для пунша.

Судя по всему, они спорили о разных криминологических методах, в частности — о фотографии. Рэмпол с криминологией был знаком весьма поверхностно и периодически вызывал приступы веселья у представителя полиции. История началась с того, что, когда у доктора Фелла выдался перерыв между хобби и он не знал, чем себя занять, его друг, епископ Мэплхемский, улучил момент и увлек его чтением Гросса¹, Йезериха² и Митчелла³. Так он и попался. Теперь стоит упомянуть, что доктор

¹ *Ганс Гросс* (1847–1915) — австрийский юрист, один из основоположников криминалистики.

² *Пауль Йезерих* (1854–1927) — немецкий химик и эксперт-криминалист, который первым стал использовать микроскоп и микрофотографию при проведении баллистической экспертизы.

³ *Чарльз Эйнсворт Митчелл* (1867–1948) — британский химик, судебный эксперт.

Карр Дж. Д.

К 26 Три гроба : роман / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. О. Обвинцевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 384 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-29551-3

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) — виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате».

В 1933 году в романе «Ведьмино Логово» Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. А затем, в романе «Три гроба» (1934), выходящем также под названием «Полый человек», доктор Фелл обратился к читателю с легендарной «Лекцией о запертой комнате», неожиданно пополнив список своих славных свершений непревзойденным исследованием механизма одной из ключевых сюжетных схем детективной литературы.

Загадочный убийца не оставляет следов и исчезает с места преступления, будто... призрак. Пришло время узнать, любая ли загадка по плечу доктору Феллу, или даже его изощренному уму придется спасовать, когда дело касается тайн потустороннего происхождения?

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ДЖОН ДИКСОН КАРР

ТРИ ГРОБА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Редактор Татьяна Шушлебина

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Алины Леонтьевой

Корректоры Валерий Камендо, Ирина Киселева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.06.2025.

Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®.	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А	Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д. 36Б.

A-MCD-38668-01-R